

**ОТ СЧАСТЬЯ СВОЕГО НЕ УБЕЖИШЬ.
НО ЕГО ЕЩЕ ДОГНАТЬ НАДО...**

Лидия Григорьева. Термитник. Роман в штрихах. СПб.: Алетейя, 2020. — 168 с.

Большинство читателей из европейских стран вряд ли сталкивались на своем пути с термитниками и их обитателями — термитами. А ведь суетливо-озабоченное существование этих маленьких насекомых, выбирающих для себя более жаркий климат, в какой-то мере напоминает человеческую жизнь. Среди них есть короли и королевы, солдаты и работяги, и даже любовники. Да и сооружения, которые они возводят из песка, глины, деревянных щепок и опилок (кстати, без всяких чертежей и схем), по своим функциональным характеристикам напоминают многоэтажные дома с жилыми квартирами и массой подсобных помещений. И везде жизнь движется по своим таинственным канонам, не давая ответа на главные вопросы: «Зачем и почему? Как и куда?» Впрочем, термиты об этом и не задумываются. А людям, живущим в мировом термитнике, с которым можно сравнить нашу Землю, это свойственно. Они думают, наблюдают, пытаются понять если не окружающий мир, то хотя бы себя. Хотя бы немного... Зачем все это происходит? Куда несется мрак и свет, клубок несыгранных мелодий и неотпаянных побед?.. Зачем, куда — и нет ответа. В ответе — каждый за себя. Хоть много звезд, но мало света... И свет ласкает, не любя. Любя — это здесь ключевое слово. Ведь при всем сходстве общественно полезной (или бесполезной) жизни мудрых насекомых и порой забывающих о мудрости, но все же мыслящих людей, главное отличие — в способности не только думать, но любить и сострадать. Любить и сочувствовать. И при этом — ненавидеть и злорадствовать, завидовать и делать подлости... Все это — жизнь, наш термитник, не замирающий ни на мгновение, в котором добро и зло никак не решат, кто же побеждает в борьбе за светлое или темное будущее нашей огромной и такой маленькой планеты, громада которой летит в безвоздушном пространстве, умекаясь в дыхании и сердце каждого из нас. А также ино-

гда отражаясь в хороших книгах. Одну из которых известная писательница Лидия Григорьева так и назвала «Термитник. Роман в штрихах».

Почему «Термитник»? Наверное, потому, что роман очень густо населен героями, судьбы которых пересекаются, как искусно и прихотливо сделанные переходы в термитниках. Причем несмотря на то, что судьбы, события и время, в котором они происходят, очерчены пунктирно, всего несколькими штрихами, благодаря мастерству изложения в этих штрихах угадывается вся жизнь. Мастерство, изящество повествования, глубина проникновения в ситуацию, мудрый взгляд страдающего и много понимающего человека... Все это позволяет всего в нескольких строках или абзацах представить историю, в которой «и жизнь, и слезы, и любовь», и в них отражение времени и судьбы целого поколения. И еще раз выделю слово «любовь», потому что о чем бы ни писала Григорьева, все равно это история любви, в которой жизнь и смерть идут рядом. Но иначе ведь и не бывает. И то, что все это изложено всего в нескольких предложениях, вызывает изумление и уважение к таланту. «От счастья своего не убежишь. Но его еще догнать надо», — говорит один из героев романа. Счастье, оно, как любовь, без него жизнь тоже теряет смысл, и вечная гонка в его поисках необязательно успешна. Но без нее, этой гонки, — просто невозможна.

...При полете к аэродрому он с нечеловеческой силой выбил дверь запасного выхода, взял обмякшую Лену на руки и выбросил ее на летное поле, подальше от горящего самолета. А сам выпрыгнуть не успел. Да и не рассчитывал на спасение. Главное было ее спасти. Потому что любил смертельно. Вот прямо до смерти. Что и сбылось...

Не слова, не отсутствие слов... Может быть, ощущение полета. Может быть. Но еще любовь — это будни, болезни, заботы. И готовность помочь, спасти, улыбнуться в момент, когда худо. Так бывает нечасто, учти. Но не реже, чем всякое чудо.

...Они очень любили друг друга. И умерли в один день. Потому что муж в тайге подхватил однажды именно того самого — опасного — клеща, одного из миллионов. А к ней, блаженно балдеющей на океанском берегу, однажды внедрился под кожу неведомый насекомый зверь. И стал отравлять сначала организм, а потом и саму жизнь. Сколько ни рыли ей кожу врачи невидимыми лучами — не находили, отчего она слабеет. И муж ничем не мог помочь, потому что лежал в энцефалитном параличе. После их смерти взрослые дети решили их кремировать, чтобы избавить дом от заразы. Но даже в небо они вознеслись вдвоем. Их дымы слились воедино...

Теплый ветер как подарок с юга. Посреди ненастья — добрый знак. Как рукопожатье друга, как улыбка вдруг и просто так. Жизнь теплей всего лишь на дыханье, и длинней — всего лишь на него. Облака — от встречи до прощанья, и судьба. И больше ничего.

Сотни историй, собранные под обложкой этой удивительной книги, читаются на одном дыхании. Ибо написаны увлекательно, мастерски и с подробным знанием того, что происходит в судьбах героев и стран их проживания. А это не только Россия, но и Англия, Германия, Прибалтика... И везде за ярким колоритом традиций и местной специфики одни и те же переживания, радости и страдания, надежды и их крушения. Ведь род человеческий неизменен. И то, «что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, и Бог воззовет прошедшее...» С мудростью Библии не поспоришь. Но и то, что уже было с кем-то, в своей судьбе воспринимается как небывалое доселе открытие, самое важное и неповторимое. Мимоходом и тем не менее образно, с узнаваемы-

ми деталями, рассказывает Лидия Григорьева о драматических событиях 90-х годов, сломавших или изменивших жизни миллионов людей, разрушивших привычно налаженный быт, восстановить который оказалось совсем непросто. И кто виноват? Жизнь и все мы...

... И опечалилась училка. И вернулась из Германии в разоренную реформаторами страну. Кое-как дотянула до нищенской пенсии... И нет в этой истории морали, потому что она аморальна в основе своей. Тут все пострадавшие от колеса истории, как личного, так и общего для всех...

Жизнь не похожа на ту, что была. Она не хуже, не лучше. Все так же вершатся судьба и дела, на солнце находят тучи. И вновь продолжается круговорот, мгновение сменяет мгновение. И в каждом — внезапный уход и приход в молчанье и в сердцебиенье.

Все же повторю, что любовь, невзирая ни на что, — главный персонаж всех житейских историй «Термитника». Она может быть счастливой и не очень, бурной и неразделенной, но именно она определяет настроение, поступки, перемены участи, иногда желанные и долгожданные, иногда трагические и невыносимые своей неизбежностью. И от всего этого краткие, пронзительные рассказы читаются как романы, сжатые с неистовой силой до объема телефонного сообщения (не зря ведь другая книга Григорьевой называется «Стихи для чтения в смартфоне или краткостишья»). Это и примета времени, быстрого, электронного, игнорирующего длинноты, и волшебство мастера, чей талант, возможно, вновь привлечет к нормальному чтению поколение читателей эсэмэсок. Ведь о любви читать интересно всем: и юным, которые только догадываются о ее сладостной благодати, и тем, кто свои розовые мечты потерял в серых закоулках промчавшихся лет.

...Ему нравилась девушка в розовой кофточке с пышными воланами. Но женился он на старосте курса в строгой белой блузке. Потом она стала комсоргом всего потока. Партком. Райком. Перестройка. Перестрелка. Перестроились. Поднажали. И оказались в Гамбурге по еврейской линии десятой воды на киселе. Да не об этом речь. А речь о розовой кофточке, которую он так и не смог забыть. И наконец-то купил своей жене почти такую же на рождественской распродаже. Положил под елку. Заставил примерить. Но кофточка не сошла на ее груди и лопнула по швам на ее арбузных бедрах. А ведь казалась новой. И такой желанной...

...И было ясно, что озноб очарования к ним никогда не вернется...

Обжигающий вкус не у чая, а у жизни, у встреч и разлук. Сердце жарче стучится, встречая, превращая во взрыв каждый стук. Кипяток всех житейских страданий обжигает сердца вновь и вновь. И спасительной ложкой в стакане защищает аорту любовь.

На мой взгляд, этим романом в штрихах Лидия Григорьева открыла новое направление прозы, наиболее подходящее для нового времени. Но чтобы так писать, вкладывая глубокое содержание и полноценное повествование в столь малое пространство печатного листа, нужны особый талант и виртуозное владение словом. Все это есть у Григорьевой, и тут очень пригодился ее поэтический опыт. Нет, это не поэтическая проза, в которой на первом месте образность и метафоричность, а уже на втором — увлекательность, сюжетная динамика и событийно-смысловая стремительность. Это настоящий роман, и каждый его эпизод может стать основой полноценного телевизионного сериала.

Как в термитнике каждое помещение имеет свой смысл и предназначение (при этом все они соединены между собой системой переходов и коридоров), так и в книге Ли-

дии Григорьевой каждый рассказ самодостаточен. А соединяет их талант автора и его желание поведать миру «большое в малом». Что ж, цель и средства оправдывают друг друга. И, как в природе, пусть этот «Термитник» стоит долго на радость читателям.

Владимир СПЕКТОР